

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Огнѣво

PC

Pn W 18

1421760

**ВАРЛАМ
ШАЛАМОВ**

Огнѣво

СТИХИ

С О В Е Т С К И Й
П И С А Т Е Л Ъ
М О С К В А 1961

Г 421760
091134 Г

ГАЗОСВАРКА

Гроза как сварка кислородная,
И ей немало нынче дела,
Чтобы сухая и бесплодная
Земля опять зазеленела.

Земля и небо вместе связаны,
Как будто мира половинки
Скрепили этой сваркой газовой —
Избесной техники новинкой.

Нет, нет, не знаменьем магическим ...
Франклиновским бумажным змеем
Мы ловим высверк электрический
И обуздать грозу посмеем.

Все приготовлено для этого:
И листьев бурное кипенье,
И пробной вспышки фиолетовой
В окне мгновенное явление.

ОДА КОВРИГЕ ХЛЕБА

Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.

Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.

Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поищет это тесто
Исхода в высоте.

Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.

И вот на радость неба,
На радость всей земле
Ложит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленная в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.

КАМА ТРИДЦАТОГО ГОДА

По камским берегам каемкою
Звероподобные коряги —
Сюжеты скульптора Конёнкова,
Заполонившие овраги.

По камским берегам острогами
Селенья врезаны Ермачьи
И солеварни те, что Строганов
Устраивал в краях казачьих.

По камским берегам — строения,
Навек пропитанные солью,
И бархатные наслоения
Зеленой плесени Усолья.

Посад «Орел», откуда начато
Завоевание Сибири,
Где гений воинства казачьего
Стоял когда-то на квартире...

Но бревна солеварен сломаны
Не топором, а динамитом,
И берега в рабочем гомоне
Торопят новые события.

Ты, Кама, рыжая красавица,
Ты заплетаешь струи в косы,
Чтоб настоящему понравиться,
Бежишь рекой звонкоголосой.

БИБЛИОТЕКА

Вот моя библиотека —
Золотые корешки —
Боровая лесосека
На излучине реки.

Здесь зачинщики рассвета
Темноглазые щеглы
Прославляют наше лето,
Разгоняют хлопья мглы.

Это — записей вокальных
И псалмов, и тропарей —
Старый ящик музыкальный
Соловьев и снегирей.

Будто здесь на сотне кросен
Ткут лесные небеса,
Заплетая в шелест сосен
Человечьи голоса.

КАРТОГРАФ

Картограф выбрался на гору
Ночные звезды шевеля,—
На высоту свою, с которой
Чужою выглядит земля.

Картограф горы ловит в клетку,
Он землю ловко захлестнет
Географическою сеткой
Меридианов и широт.

Затем, чтобы магнитным ухом
Прослушать внутренность земли,
Ей распороть бурами брюхо,
Сюда разведчики пришли.

Придут небритые мужчины
На этот меченый простор,
Чтоб стали резкими морщины
На потемневших лицах гор.

Он у ветров тайги учился
Деревьям косы заплетать,
Он мясом с птицами делился
И ястребов учил летать.

Он у ручьев в грозу с дороги
Большие камни убирал,
Чтоб не сломать о камни ноги
Ручьям, бегущим возле скал.

Он добирался до истоков,
Где открывает ключ реку,
Чтобы она лилась потоком
И к морю вынесла строку...

Земля поставлена на карту
И перестала быть землей,
Она лежит на школьной парте
Не узнаваемая мной.

АВГУСТ

Вечер. Яблоки литые
Освещают черный сад,
Точно серьги золотые,
На ветвях они висят.

Час стремительного танца
Листьев, вихрей ветровых,
Золоченого багрянца
Неба, озера, травы.

И чертят тревожно птицы
Над гнездом за кругом круг —
То ли в дом им возвратиться,
То ли тронуться на юг.

Медленно темнеют ночи,
Еще полные тепла.
Лето больше ждать не хочет,
Но и осень не пришла.

РАДУГА

Радужное коромысло,
Семицветный самоцвет,
На плече горы повисло —
И дождя на свете нет.

День решительно и бодро
Опустил к подножью гор
Расплескавшиеся ведра
Переполненных озер.

И забыла вся округа,
Как сады шуршат травой,
Как звенит дождя кольчуга,
Панцирь неба грозовой.

СБОРЩИК ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ

Дед шагает по болотам
С ветхой сумкою в руке.
Золотятся капли пота
На морщинистой щеке.

Он выходит спозаранку,
Собирая много лет
Горицвет и валерьянку
Зверобой и первоцвет,

Медуницу и щитовник
И боярышник литой,
Сушеницу и шиповник
И очиток золотой.

Ходит он по желтой тине,
По полянам и кустам,
По ромашке и полыни,
По раздавленным цветам.

Он, конечно, не барышник,
И не та теперь пора,
Но яснотка, и ятрышник,
И фиалка, и будра

Пригодятся для больничных
Чудодейственных работ,
Для целителей столичных,
Охраняющих народ.

Дед спасает эти травы
От прожорливых коров
И хранит для вящей славы
Вдохновенных докторов.

С многолетней сноровкой,
Укрепив на лбу очки.
Вяжет лыковой веревкой
Драгоценные пучки.

И, исполнен ликованья,
Подбирает он в ночи
Для напевности названья
Музыкальные ключи.

ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА

Мне кажется: овес примят
Руками длинной тени
От разломавшей палисад
Разросшейся сирени.

Я выверить хочу часы
По розовому свету
Тяжелой радужной росы
На листьях бересклета,

По задымившейся земле
В обочинах овражин,
По светоносной легкой мгле,
Приподнятой на сажень.

Я выверить хочу часы
По яростному свисту
Отбитой заново косы
В осоке серебристой,

По хриплой брани пастуха,
Продрогшего в тумане,
По клокотанию стиха
В трепещущей гортани.

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Хожу, вздыхаю тяжко,
На сердце нелегко.
Я дергаю ромашку
За белое ушко.

Присловья и страданья
Неистребимый ход,
Старинного гаданья
С ума сводящий счет.

С общипанным букетом
Я двери отворю,
Сейчас, сейчас об этом
Я с ней заговорю.

И Лида сморщит брови,
Кивая на букет,
И назовет любовью
Мальчишеский мой бред.

ЗЕМЛЯ СО МНОЙ

Я на спину ложусь
И вместе с целым светом
Я по́солонь кружусь
Веселым этим летом.

Кругом меня — леса,
Земля же — за спиною.
Кривые небеса
Нагнулись надо мною.

Уже моя рука,
дрожа нетерпеливо,
Вцепилась в облака,
В щетину конской гривы.

Я будто волочу
Весь мир сейчас с собою
И сызнава хочу
Зажить его судьбою.

ЗИМА

Все — заново! Все — заново!
Густой морозный пар
Оберткой целлофановой
Окутал наш бульвар.

Стоят в мохнатом инее
Косматые мосты,
И белой паутиною
Окутаны кусты.

Покрыто пылью звездною
Стекло избы любой,
Гравюрами морозными,
Редчайшею резьбой.

Деревья, что наряжены
В блестящую фольгу,
Торчат из черной скважины
На новеньком снегу.

И каждому прохожему,
И вам, и даже мне
Пробить тропу положено
По снежной целине.

И льдины, точно лилии,
Застыли на воде,
И звезды в изобилии,
Какого нет нигде.

ВЕСНА В МОСКВЕ

Он входит в столицу с опаской —
Простой деревенский маляр,
Ведро малахитовой краски
Приносит на темный бульвар.

Он машет огромною кистью,
Он походя пачкает сад,
И светлые капельки листьев
На черных деревьях висят.

Он красит единственным цветом.
Палитры его простота
Сверкает поярче, чем летом,
И все подавляет цвета.

И саду не справиться с чудом,
Какому подобия нет.
Гигантским сплошным изумрудом
Он снова родится на свет.

Бродячий маляр беззаботен,
Не знает, что тысячи раз
Запишут на грунте полотен
Его простодушный рассказ.

И гений завистливым взглядом
Следит за мазней маляра —
Дешевым весенним обрядом
Любого земного двора.

Глаза он потупит стыдливо
И примет задумчивый вид
И хочет назвать примитивом,
Да совесть ему не велит.

И видно по силе тревожной
Вполне безыскусственных чар,
Какой он великий художник --
Неграмотный этот маляр.

ГОЛУБИ

У дома ходят голуби,
Не итицы — пешеходы.
Бесстрашные от голода,
От сумрачной погоды.

Калики перехожие
В лиловом оперенье,
Летать уже негодие,
Забывшие паренье.

Но все же в миг опасности
Они взлетают в небо,
Где много больше ясности
И много меньше хлеба.

Их взлет как треск материи,
Что тянут до отказа,
Заостренными перьями
Распарывают сразу.

И будто ткань узорная,
Висящая на звездах,
Тот, крыльями разорванный,
Затрепетавший воздух.

МОСКОВСКИЕ ЛИПЫ

Вспотело светило дневное,
И нефтью пропахли дворы,
И город качается в зное,
Лиловый от банной жары.

И бьется у каждого дома
Метельный летающий пух,
Блещающий и невесомый,
Неуловимый на слух.

Он химикам лезет в пробирки
И снегом заносит цеха,
И виснет под куполом цирка,
И липнет на строки стиха.

Как бабочек туча, как птицы
Каких-то неведомых стран,
Летит над асфальтом столицы
Бесшумный горячий буран.

И в запах бензина и пота,
В дурманы углекислоты,
В испарину жаркой работы
Врывается запах мечты.

Не каждый ли в городе встречный
Вдыхает его глубоко,
И это не запах аптечный,
И дышится людям легко.

Он им удлиняет прогулки,
Он водит их взад и вперед
Ночами в пустом переулке
И за сердце чем-то берет.

Им головы кружит веселый
Медовый его аромат,
И кажется — люди как пчелы
На темном бульваре жужжат.

Как будто слетелись за медом,
Чтоб в соты домов унести
Хоть капельку летней природы,
Попавшейся им на пути.

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может.
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабывтые давно,—
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

ГОРНАЯ МИНУТА

Так тихо, что пейзаж
Как будто нарисован —
Пастельный карандаш,
Перекричавший слово.

Беспечный человек,
Дивлюсь такому чуду,
Топчу нагорный снег,
Как битую посуду.

Здесь даже речки речь
Уму непостижима,
Туман свисает с плеч —
Накидка пилигрима.

Все яростно цветет
И яростно стареет,
Деревья ищут брод,
Спешат домой быстрее.

Спустились под откос
Беззвучно и пугливо.
А ястреб врос в утес,
В закраину обрыва...

ГНЕЗДО ОРЛИЦЫ

Гнездо твое не свито
И не утеплено
И веточками быта
Не переплетено.

Твои хоромы тесны,
Холодны и жестки
В вершинах скал отвесных
У берега реки.

Средь каменных расщелин,
Обвитых лентой льда,
Куда не может зелень
Взобратся никогда,—

Твое гнездо, квартира,
Откуда видишь ты
Не меньше чем полмира
С надменной высоты.

Ты греешь камень мертвый
Своим живым теплом,
И когти твои стерты
Об острый камнелом.

КИПРЕЙ

Там был пожар, там был огонь и дым.
Умерший лес остался молодым.

Ища следы исчезнувших зверей,
В лиловый пепел вцепится кипрей

И знаки жизни, что под цвет огня,
Раскинет у обугленного пня.

И воскресит таежную траву,
Зверей, и птиц, и шумную листву.

ШОССЕ

Дорога тянется от моря
Наверх по берегу реки,
И гнут хребты под нею горы,
Как под канатом — бурлаки.

Они проходят друг за другом
В прозрачных северных ночах.
Они устали от натуги,
У них мозоли на плечах.

Они цепляются руками
За телеграфные столбы
И вытирают облаками
Свои нахмуренные лбы.

Через овраги, через ямы,
Через болота и леса
Шагают горы вверх и прямо
И тащат море в небеса.

РАННЯЯ ЗИМА

Велики ручья утраты,
И ему не до речей:
Ледяною лапой сжатый,
Задышается ручей.

Он бурлит в гранитной яме,
Преодолевая лед,
И холодными камнями
Набивает полон рот.

И ручья косноязычье
Непонятно никому,
Разве только стае птичьей,
Подлетающей к нему.

И взъерошенные птицы
Прекращают перелет,
Чтоб воды в ручье напиться,
Уцепясь за хрупкий лед.

Чтоб по горлу пробежала
Капля горного питья,
Точно судорога жалоб
Перемерзшего ручья

ЛОСЕНОК

У лиственницы рыжей,
Проржавленной насквозь,
Мои ладони лижет
Губастый серый лось.

Ружья еще не слышал
И смерти не искал,
Ко мне навстречу вышел,
Спустился с дальних скал.

В лесу ему — раздолье,
Но в этот самый час
Встречаю я хлеб-солью
Его не в первый раз.

Он нынче здесь без старших,
Доверчив, бодр и смел —
Сюда стоверстным маршем
Лосенок прилетел.

В тайге нас только двое,
И нам дышать легко.
Наверно, все живое
Укрылось далеко.

И горя мы не знаем
И этот горный край
Всерьез считаем раем;
И чем бы он не рай?

БЕЛКА

Ты, белка, все еще не птица,
Но твой косматый черный хвост
Вошел в небесные границы
И долетал почти до звезд.

Когда в рассыпчатой метели
Твой путь домой еще далек
И ты торопишься к постели
Колючим ветрам поперек.

Любая птица удивится
Твоим пределам высоты,—
Зимой и птицам-то не снится
Та высота, где лазишь ты.

И с ветки прыгая на ветку,
Раскачиваясь на весу,
Ты — акробат без всякой сетки
Предохраняющей в лесу,

Где, рассчитав свои движенья,
Сквозь всю сиреневую тьму
Летишь почти без напряженья
К лесному дому своему.

Ты по таинственным приметам
Найдешь знакомое дупло,
Дупло, где есть немножко света,
А также пища и тепло.

Ты доберешься до кладовки,
До драгоценного дупла,
Где поздней осенью так ловко
Запасы пищи собрала.

Где не заглядывает в щели
Прохожий холод ветровой,
И все бродячие метели
Проходят мимо кладовой.

Там в яму свалена брусника,
Полны орехами углы
По нраву той природы дикой,
Где зимы пусты и голы.

И, до утра луща орехи,
Лесная наша егоза,
Ты шуришь узкие от смеха,
Едва заметные глаза.

СОСНЫ СРУБЛЕННЫЕ

Пахнут медом будущие бревна,
Бывшие деревья на земле.
Их в ряды укладывают ровно,
Подкатив к разрушенной скале.

В соснах мысли нет об увяданье,
Блещет светлой бронзою кора,—
Тем тревожней было ожиданье
Первого удара топора.

Мышцы полны силою тяжелой,
Кровь еще текуча и светла,
Крепок сок, еще целебны смолы
Срубленного, павшего ствола.

Чем живут в такой вот час смертельный
Эти сосны испокон веков?
Лишь мечтой быть мачтой корабельной,
Чтобы вновь коснуться облаков.

СТЛАНИК

Ведь снег-то выпал. И странно,
Волнуя людские умы,
К земле пригибается стланик,
Почувствовав запах зимы.

Он в землю вцепился руками,
Он ищет хоть каплю тепла,
И тычется в стынувший камень
Почти неживая игла.

Поникли зеленые крылья,
И корень в земле — на вершок!..
И с неба серебряной пылью
Посыпался первый снежок.

В пугливом своем напряженье
Под снегом он будет лежать.
Он — камень. Он — жизнь без движенья,
Он даже не будет дрожать.

Земля еще в замети снежной,
Сияет и лоснится лед,
А стланик зеленый и свежий
Уже из-под снега встает,

Шуршит изумрудной одеждой
Над белой пустыней земной.
И крепнут людские надежды
На скорую встречу с весной.

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой

И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака

ЧЕРСКИЙ

Голый лес насквозь просвечен
Светом цвета янтаря,
Искалечен, изувечен
Жестким солнцем января.

Там деревьям надо виться
И на каменном полу
Подниматься и ложиться,
Изгибаться вслед теплу.

Он рукой ломает слезы,
А лицо — в рубцах тайги,
В пятнах от туберкулеза,
Недосыпа и цинги.

Он — Колумб, но не на юге,
Магеллан — без теплых стран.
Путь ему заносит вьюга
И слепит цветной туман.

Он весной достигнет цели
И наступит на хребты
В дни, когда молчат метели
И когда кричат цветы.

Он слабеет постепенно,
Побеждая боль и страх,
И комок кровавой пены
Пузырится на губах.

И к нему склоняясь низко,
Ждет последних слов жена,
Что здесь далеко и близко —
Не поймет сейчас она.

То прощанье -- завещанье,
Завещанье и приказ,
Клятвенное обещанье,
Обещанье в сей же час

Продолжать его деянья —
Карты, подвиг, дневники,
Перевалам дать названья
И притокам злой реки.

Ключ к природе не потерян,
Не напрасен гордый труд,
И рукой жены домерен
Героический маршрут.

Он достойно похоронен
На пустынном берегу.
Он лежит со славой вровень,
Побеждающий тайгу.

Он, поляк, он, царский ссыльный
В платье, вытертом до дыр,
Изможденный и бессильный,
Открывает новый мир,

Где болотные просторы
Окружил пурпурный мох,
Где конические горы
Вулканических эпох.

КАЮР

Каюр -- не просто проводник
Навьюченных оленей,
Он -- чтец лесных и горных книг,
Скрижалей поколений.

Он знает, как скрипят пески,
Подтачивая скалы,
Как наползают ледники
На горло перевала.

Как по ущельям ручейки
Прносятся галопом,
Меня русло у реки
И нам грозя потопом.

Природы музыка тонка,
Сложны фиоритуры,
Но их почувствует река
И передаст каюру.

ПЕНЬ

Эти рассказы среза,
Биографию пня
Прочитало железо,
Что в руках у меня.

Это — свиток свершений
Заполярной судьбы,
Это — карта мишени
Для учебной стрельбы.

Слишком перечень краток
Наслоений годов,
Где тепла отпечаток
И следы холодов.

Перемят и закручен
Твой дневник путевой,
Скрытый ворохом сучьев,
Порыжелой травой...

Будто скатана в трубку
Повесть лет временных
В том лесу после рубки
Среди сказок лесных.

РАЗВЕДКА

Бродить, соскальзывать со скал,
В ручьях отыскивать приметы,
Какими славится металл,
Покровом каменным одетый.

В тайге откапывая клад,
Скрести настойчивой лопатой,
Искать на ощупь, наугад
Приметы россыпи богатой.

И по распадкам бить шурфы.
И рвать рубашку торфяную
С земли — для будущей строфы
Вести разведку россыпную.

Пускай речной песок глубок,
Пускай пуста за пробой проба —
Ты свой старательский скребок
Готов нести с собой до гроба.

Пусть ослабевшая рука
Лопату выронить готова,
Пускай усталость велика —
Умей начать свой поиск снова.

И, у ручья остановясь,
Лотком зачерпывая воду,
Смывай всю каменную грязь,
Всю бессловесную породу.

Еще победа далека,
Но светлым знаменьем улова
Тебе блеснет на дне лотка
Крупница золотого слова.

У КОСТРА

Острый запах гретой мяты,
Дальний шум большой реки,
Все отрады, все утраты
Равноценны и легки.

Ветер теплым полотенцем
Вытирает щеки мне,
Мотыльки-самосожженцы
В костровом горят огне...

В ЛЕСУ

Лесная моя сторона,
Задетая черным пожаром,
Где пни точно бочки вина,
Зарытые в землю недаром.

Где хвойный крепчайший настой
В гранитной чудовищной бочке
Хмельной отдает кислотой
И валит на мшистые кочки.

Засохли лесные пруды,
Покрытые теплом, как штыбом,
Последние капли воды
Достались трепещущим рыбам.

И вытянул окунь губу,
Глазами кося на окрестность.
Как будто бы дует в трубу
Трубач духового оркестра...

Но жирный багровый кипрей
Затянет пожарище скоро,
Приманит и птиц и зверей
В живые лесные просторы.

40°

Хлебнувшие сонного зелья,
Давно улеглись в гамаки
И крепко в уснувшем ущелье
Крестовые спят пауки.

Журча, изменил выраженье
Ручья ослабевший басок,
И бабочки в изнеможенье
Ложатся плашмя на песок.

73

И с ними в одной же компании,
Балдея от банной жары,
Теряя остатки сознания,
Прижались к земле комары.

И съжились желтенькой астры
Тряпичные лепестки.
Но льдины — куски алебастра,
Нетающие куски...

А я по таежной привычке
Сморodinный корень курю
И чиркаю, чиркаю спички
И сам с собой говорю...

С Л О В О К С А Д О В О Д А М

Поднимайтесь, садоводы.
Против снега, против льда!
Вы содействия природы
Не дождетесь никогда.

Все на север, все на север!
Пусть настойчивый компас
На Анадырь и на Невер
Поскорей приводит вас.

Там морозы сушат реки,
Убивая бедных рыб,
Там ручей застыл навеки
Посреди гранитных глыб...

Пусть ползет на горы зелень,
Вытесняя мох с камней,
Перерезав путь метелям
Бесконечных зимних дней!

Пусть встают гиганты кедры
Вместо крошки кедрача —
Кедрам тамошние ветры
Не достанут до плеча!

Пусть невзрачный куст рябины
Станет деревом в обхват
И садовую малину
Не пугает снегопад!

Пусть овес покрое густо
Берега большой реки,
Пусть листья свои капуста
Там сжимает в кулаки!

Пусть растет в земле картофель,
Презирающий буран,
Пусть покажет римский профиль
Деревенский наш баран.

Пусть земля покроет грязью
Раскрошившийся гранит
И цветов разнообразье
С нами юг соединит!

Пусть веселый рой пчелиный
В соты складывает мед
И цветы у гнезд орлиных
Старый путник соберет!

Пусть лекарственные травы
Поправляются в тепле
И расти получают право
На полуночной земле!

Чтоб акцент араукарий
Шелестел в речах сосны,
Пусть изменится гербарий
Ледовитой стороны!

Пусть не хлопья снегопада --
Легкий яблоневый цвет
Рассыпает ветер сада
Соловьиной песне вслед!

Пусть глазают ротозей,
Как трудился садовод,
Оттесняющий в музеи
Флору северных широт!

ГРОЗА

Смешались облака и волны,
И мира вывернут испод,
По трещинам зубчатых молний
Разламывается небосвод.

По желтой глиняной корчаге
Гуляют грома кулаки,
Вода спускается в овраги,
Держась руками за пеньки.

Но, в сто плетей дубася тело
Пятнистой, как змея, реки,
Гроза так бережно, умело
Цветов расправит лепестки.

Все то, что было твердой почвой.
Вдруг уплывает из-под ног.
И все земное так непрочно,
И нет путей, и нет дорог,

Пока промокший куст лиловый
Не сунет руку сквозь забор
И за плечо не остановит
И не завяжет разговор.

И вот я дома, у калитки,
И все несчастья далеки,
Когда я, вымокший до нитки,
Несу за пазухой стихи.

Неоперенными птенцами
Они упали из гнезда,
Они летать не могут сами —
Их захлестнула бы вода.

И тех пичуг спасет от муки
Не материнское крыло,
А человеческие руки,
Их вдохновенное тепло.

ОСЕНЬ

Клен и рослый и плечистый
В дрожи с головы до пят,
Перепуганные листья
До рассвета шелестят.

Их протягивает лето,
И холодный вестерок
Отрывает, как билеты,
И бросает на песок.

И по железнодорожной
Желтой насыпи крутой
Их сметает осторожно
В ямы с мутною водой...

Это — право пешехода
Разбираться, чье нужней,
Чье полезней время года —
Весен или осеней?..
И похваливать погоду,
Размышляя не о ней...

У КРЫЛЬЦА

У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные —
Вопросительные знаки —
Головы гусиные.

Буквы приняли за зерна
Наши гуси глупые,
Та ошибка не зазорна
И не так уж грубая.

Я и сам считаю пищей,
Что сюда накрошено,
Что в листок бумаги писчей
Неумело брошено.

Все, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем...

СЛЕЗА

Ты горячѣй, чем капля пота,
Внезапная моя слеза,
Когда бегущая работа
Осажена на тормоза.

И в размышленьях о бывалом,
И в сожаленьях о былом
Ты в блеске силы в мире малом
И мера слабости — в большом.

Ты можешь во мгновение ока
С ресниц исчезнуть без следа.
Да, ты скупа, горька, жестока,
И ты — не влага, не вода.

Ты — линза для увеличенья
Невидимых доселе тел.
Ты — не примета огорченья,
А удивления предел.

РУБЛЕВ

Когда-то самый лучший
Российский богомаз,
Что попадать научен
Не в бровь, а прямо в глаз,

Знакомых сельских модниц,
Ведя на небеса,
Одел под богородиц —
Иконы написал.

Конечно, он язычник
Без всяких выкрутас,
И явно неприличен
Его иконостас.

Но клобуки и митры
Знакомых мужиков
Сошли с такой палитры,
Исполненной стихов,

Что самый строгий схимник,
Прижизненный святой,
Смущен, как именинник,
Подарка красотой.

И бог их не осудит
Хотя бы потому,
Что их не судят люди,
Любезные ему.

И Петр, узнав Андрея
Под ангельским венцом,
Закрестится скорее
И ниц падет лицом.

.
В каргинной галерее,
Где вовсе не собор,
О тех же эмпиреях
Заходит разговор.

Стоят немея люди
И думают одно:
Заоблачное чудо
На землю сведено.

Все нам покажет сразу,
Загадочно легка,
Невежды богомаза
Наивная рука.

**СУРИКОВ.
БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА**

Попрощаться с древнею Москвою
Женщина выходит на крыльцо.
Бердыши тюремного конвоя
Отражают хмурое лицо.

И широким знаменьем двуперстым
Осеняет шапки и платки.
Впереди — неслитанные версты
И снега, светлы и глубоки.

Перед ней склоняются иконы,
Люди — перед силой прямоты
Яростно земные бьют поклоны
И рисуют в воздухе кресты.

С той землей она не будет в мире,
Первая из русских героинь,
Знатная начетчица псалтыри,
Сторож исторических руин.

И над той толпой порабощенной
Далеко и сказочно видна,
Непрощающей и непрощенной
Покидает торжище она.

Это веку новому на диво
Показала крепость старина,
Чтобы верил даже юродивый
В то, за что умрет она.

Точно бич, раскольничье распятье
В разъяренных стиснуто руках,
И гремят последние проклятья
С удаляющегося возка.

ВИКТОРУ ГЮГО

В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.

Ты — мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!

Пусть так. В волненьях поколения
Ты — символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.

УТРО

По стенке шарит желтый луч,
Раздвинувший портьеры,
Как будто солнце ищет ключ,
Забывтый ключ от двери.

И ветер двери распахнет
И впустит птичье пенье,
Всех перепутавшихся нот
Восторг и нетерпенье.

Уже, взобравшись на скамью
Иль просто на подклетье,
Петух, как дьякон ектенью,
Заводит многолетье.

И сквозь его кукареку,
Арпеджио и трели
Мне видно дымную реку,
Хоть я лежу в постели.

А ветер покидает дом,
Пересчитав посуду,
Уже пронесся над прудом,
Уже свистит повсюду,

Перебирает воду он,
Как клавиши рояля,
Как будто он открыл сезон
В моем концертном зале.

И нынче летом на часах
Ты, верно, до рассвета
Безмолвно ходишь в небесах.
Подобная планете.

Облокотившись на балкон,
Как будто на свиданье,
Протягивает лапы клен
К любимому созданию.

И ты стоишь, сама лучась
В резной его оправе.
Но даже дерево сейчас
Тебя задеть не вправе.

Всю силу ревности моей
И к дереву и к ветру
Своим безмолвием залей,
Своим блаженным светом.

И ветер рвет твои чулки
С веревки возле дома.
И, как на свадьбе, потолки
На нас крошат солому.

БОГЕМСКОЕ СТЕКЛО

Хрупка хрустальная посуда —
Узорный рыцарский бокал,
Что, извлеченный из-под спуда,
Резьбой старинной заблистал.

Стекло звенит от колыханья,
Его волнуют пустяки:
То учащенное дыханье,
То неуверенность руки.

Весь мир от шепота до грома
Хотел бы высказаться в нем,
Звенеть на улице и дома
И о своем, и о чужом.

Оно звенит, стекло живое,
И может вырваться из рук,
И отвечает громче вдвое
На приглушенный сердца звук.

Одно неверное движенье —
Все разобьется на куски,
Хрусталь как струны в напряженье,
Натянутые на колки.

Как будто дело все в раскопках,
Как будто небо и земля
Еще не слыхивали робких
Звонящих жалоб хрусталя.

И будто эхо подземелий
Звучит в отчищенном стекле,
И будто гул лесной метели
На нашем праздничном столе.

А может быть, ему обещан
Покой, и только тишина
Из-за его глубоких трещин
Стеклу тревожному нужна.

СНЕГ

Сыплет снег и днем и ночью...
Это, верно, строгий бог
Старых рукописей клочья
Выметает за порог.

Все, в чем он разочарован,—
Ворох песен и стихов,
Увлечен работой новой,
Он сметает с облаков.

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА РИФМЫ

Л. И. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красы.

Ты — сближенье мысли с песней,
Но в усилях вековых
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром выпал случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — разведки вдохновенной
Сверхчувствительный прибор,
Отразивший всей вселенной
Неумолчный разговор.

Ты — рефлекс прикосновенья,
Ощущенье напоказ,
Сотой долею мгновенья
Ограниченный подчас.

Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязаешь иногда.

Чтоб достать тебе созвучья,
Горы колются в куски,
Дерева склоняют сучья
Поперек любой строки.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространства, все века
Уловила рифма эта --
Зарожденная строка.

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Дождя невидимую влагой
Обмыта пыльная рука.
И в небе белом, как бумага,
В комки катают облака.

Вся пожня ежится от стужи,
Сырой щетинится травой.
И зябко вздрагивают лужи
От каждой капли дождевой.

И ветер, встретив пешехода,
Толкает с хода прямо в грудь,
Сменить торопится погоду
И светом солнечным блеснуть.

РУЧЕЙ

Глубокие порезы
На ивовых корнях.
Ручей, как лист железа,
Грохочет на камнях.

С горы, с крутого гребня
Гремит вода ключа,
Как будто бы по щебню
Железо волоча.

По руслу-транспортру,
Сверкая сквозь кусты,
Торопятся под гору
Железные листы.

Как будто бы с вершины
Прокатный цех небес
Обрезками с машины
Заваливает лес.

* * *

В потемневшее безмолвье
Повергая шар земной,
Держит небо связку молний,
Узких молний за спиной.

Небеса не бессловесны,
Издавать способны крик,
Но никак не сложит песни
Громовой небес язык.

Это — только междометья.
Это — вопли, осердясь,
Чтоб, жарой наскучив летней,
Опрокинуть землю в грязь.

И совсем не музыкален,
Что ревет, гудит окрест,
Потрясая окна спален,
Шумовой такой оркестр.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Скалами разорванные тучи
Ветром изгоняются с небес,
Когти глухаринные, как крючья,
Накрепко обхватывают сучья,
Ибо — засыпает лес...

В ночь уже распахнуты ворота.
Первой торопливою звездой
Сыплется лесная позолота
В медные холодные болота,
Кружится над черною водой.

Рыба вылетает, словно птица,
На воду из ивовых кустов.
Рыбе в этот час еще не спится,
Рыбе еще хочется резвиться,
Биться средь затопленных цветов.

Ходит небосвод в рубахе алой,
Гнется над застывшею травой,
Чтобы постепенно засыпала,
Чтобы не ворчала, не шуршала,
Чтобы не качала головой.

* * *

Разве я такой уж грешник,
Что вчера со мной
Говорить не стал орешник
На тропе лесной?

Разве грех такой великий,
Что в рассветный час
Не поднимет земляника
Воспаленных глаз?

Отчего бегут с пригорка,
Покидая кров,
Хлопотливые восьмерки
Черных муравьев?

Почему шумливый ясень
С нынешнего дня
Не ворчит знакомых басен
Около меня?

Почему глаза отводят
В сторону цветы?
Взад-вперед так быстро ходят
Пестрые кусты?

Как меня — всего за сутки
По часам Земли —
Васильки и незабудки
Позабыть могли?

Коротка у леса память,
Очень коротка.
Говорят, что снега заметь
Будет глубока.

Принимает все земное
Незнакомый вид
И со мною лишь весною
Вновь заговорит.

ЖАР-ПТИЦА

Ты -- витанье в небе черном,
Бормотанье по ночам,
Ты — соперничество горным
Разговорчивым ключам.

Ты — полет стрелы каленой,
Откровенной сказки дар
И внезапно заземленный
Ослепительный удар.

Чтоб в его мгновенном свете
Открывались те черты,
Что держала жизнь в секрете
Под прикрытьем темноты.

И В Ы

Деревья надышались пылью
И поднимают шум чуть свет.
Лететь? На это нужны крылья,
А крыльев у деревьев нет.

Лишь плащ зеленый, запыленный
У каждой ивы на руке,
Пока дорогой раскаленной
Деревья движутся к реке.

И, опускаясь на колени,
Речную воду жадно пьют.
И сами жадно ищут тени,
Приют на несколько минут.

Их листья скрючены и ломки,
Они качают головой,
Остановясь на самой кромке,
На линии береговой...

КАМЕНОТЕС

Как грузчик в каменном карьере,
Морская трудится волна,
Ворчит и роется в пещере
И выгребает все со дна.

И день и ночь без всякой смены
Пересыпает, рушит, бьет,
В зеленой мгле, в соленой пене
Из глубины камни достает.

Так дышит грудь каменотеса,
Трудом взволнованная грудь,
Когда у скального откоса
Ложится море отдохнуть.

ПРИМОРСКИЙ ГОРОД

Предмесье кажется седым
От чайных роз.
Иль это только белый дым
Отбросил паровоз?

Чуть задевая за карниз,
Здесь облака висят,
Как мраморный античный фриз
У входа в город-сад.

Агавы зелень как костер,
Как будто сам Матисс
Велел — и сделался остер
Агавы каждый лист.

И синеватый дождь гремит
И хлещет по щекам,
И, моря изменяя вид,
Мешает маякам.

А если дождь внесут в сады,
То каждый сад —
Как газированной воды
Пузырчатый каскад.

Как будто там горячий цех,
Тяжелые труды,
И вот расставлены для всех
Фонтанчики воды...

ВЕТЕР В БУХТЕ

По сообщенью баромётра
Работа кончится нескоро.
Кидают вверх четыре ветра
Куски раздробленного моря.

Крылатых грузчиков лопаты
Выбрасывают из залива
Обломки тучи синеватой
И воду цвета чернослива.

Большое солнце ходит кругом
И наблюдает с небосвода,
Как из угла кидают в угол
Блестящую, как уголь, воду.

И на кунгасы, на баркасы
С опущенными якорями
Летят осколки черной массы,
Ветрами вырытой из ямы.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Вода сверкает, как стеклярус,
Гремит, качается, и вот —
Как нож, втыкают в небо парус,
И лодка по морю плывет.

Нам не узнать при лунном свете,
Где небеса и где вода,
Куда закидывают сети,
Куда заводят невода.

Стекают с пальцев капли ртути,
И звезды, будто поплавки,
Ныряют средь вечерней мути
За полсажени от руки.

Я в море лодкой обозначу
Светящуюся борозду
И вместо рыбы наудачу
Из моря вытащу звезду.

ДО ВОСХОДА

Еще на темном небе тлеют
Зари багровые остатки,
Но все светлеет и белеет
Вокруг брезентовой палатки.

Любое дерево ни слова
Еще со мною не сказало,
Еще ни доброго, ни злого
Природа мне не пожелала.

Но у природы наготове
Под тонкой сеткою тумана
И кровь тетеревиной брови,
Похожей издали на рану,

И гроздь брусники темно-сизой,
Покрытая лиловой тенью,
И смутное дыханье бриза,
Меняющего направление.

Разжаты пальцы белых лилий,
Которым нет уже запрета
Подобьем чайки белокрылой
Раскрыться и рвануться к свету.

И вместо облачка на синий
Простор, в пустынные высоты,
Как будто выступивший иней,
Лег след ночного самолета.

И мне понятно нетерпенье,
Какое сдерживают птицы,
Чье оглушительное пенье
Готово ливнями пролиться.

ОГНИВО

Как спичкой чиркают о камень,
Как бьют кресалом о кремь,
Так волны высекают пламя
И тушат пламя
Целый день.

Но приближается минута,
Отчетливая, как плакат,—
Подносят тучу вместо трута,
И загорается закат.

СОДЕРЖАНИЕ

Газосварка	5
Ода ковриге хлеба	7
Кама тридцатого года	9
Библиотека	11
Картограф	13
Август	16
Радуга	18
Сборщик лекарственных трав .	20
Шесть часов утра	23
В пятнадцать лет	25

Земля со мной	27
Зима	29
Весна в Москве	31
Голуби	34
Московские липы	36
Память	39
Горная минута	41
Гнездо орлицы	43
Кипрей	45
Шоссе	46
Ранняя зима	48
Лосенок	50
Белка	52
Сосны срубленные	55
Стланик	57
Каменя	59
Черский	60
Каюр	64
Пень	66
Разведка	68
У костра	70
В лесу	71
40°	73
Слово к садоводам	75
Гроза	79
Осень	82
У крыльца	84

Слеза	86
Рублев	88
Суриков. Боярыня Морозова .	91
Виктору Гюго	93
Утро	95
Богемское стекло	98
Снег	101
Некоторые свойства рифмы . .	102
Холодный день	105
Ручей	107
«В потемневшее безмолвье...» .	109
Осенний вечер	111
«Разве я такой уж грешник...» .	113
Жар-птица	116
Ивы	118
Каменотес	120
Приморский город	122
Ветер в бухте	124
Лунная ночь	126
До восхода	128
Огниво	130

Шаламов Варлам Тихонович

ОГНИВО

М., «Советский писатель», 1961, 136 стр.

*

Редактор *В. С. Фозельсон*
Художник *К. М. Высоцкая*
Худож. редактор *В. Н. Морозов*
Техн. редактор *Н. Д. Бессонова*
Корректор *Е. С. Арутюнова*

Сдано в набор 4/Х-1960 г. Подписано
к печати 9/І-1961 г. А 00718.

Бумага 60×92¹/₃₂. Печ. л. 4¹/₄.

Уч.-изд. л. 2,09. Тираж 2000 экз.

Заказ 1165. Цена 10 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа
Главиздата Министерства
культуры БССР
Минск, Красная, 23.